

Бенно Течке

МЕТАМОРФОЗЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ:

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ¹

ВВЕДЕНИЕ

Природа и степень нынешних изменений в формах государственности и территориальных отношений, нередко описываемая как переход от традиционного суверенитета к «глобальному правлению», «новому средневековью» или даже «империи», играет ключевую роль в осмыслении современной международной системы и входящего в нее Европейского Союза (ЕС). Некоторые реалистические теоретики международных отношений описывают изменения с точки зрения колебаний в распределении влияния между государствами в неизменной анархической международной политической структуре. Полюса системы меняются, но преемственность, с точки зрения структуры системы и международного поведения государств, сохраняется. В этом отношении процесс европейской интеграции может изменять *территориальный масштаб* «Европы» как политического участника и сокращать количество участников, заменяя их одним консолидированным полюсом власти на более широкой географической основе, но не отменяя при этом территориальных основ политической власти и природы властной политики. Устранение внутренних границ сопровождается укреплением внешних границ.

Другие утверждают, что мы наблюдаем фундаментальную трансформацию структуры международной системы. Чаще всего речь идет о преодолении классической или вестфальской системы, связанной с господством современного территориально определенного суверенного государства, постсовременным, посттерриториальным, по сути, «поствестфальским» международным порядком. Историю европейской интеграции и политико-

1. Benno Teschke, 'The Metamorphoses of European Territoriality: A Historical Reconstruction', in Michael Burgess and Hans Vollaard (eds.), *State Territoriality and European Integration*. London; New York: Routledge, 2006, p. 37–67.

институциональную архитектуру ЕС обычно приводят в качестве образцового примера этого нового «разделения» между территориальностью и политической властью (Ruggie, 1993). Этот сдвиг объясняется в терминах подчинения старой геополитической логики безопасности новому миру геоэкономического сотрудничества, развитию многоуровневого правления или требованиям международного / европейского гражданского общества с множеством участников, причем эти изменения связываются с окончанием «холодной войны» и усилением процесса глобализации.

Одна из проблем литературы по глобализации, а также рассуждений социальных наук о европейской интеграции состоит в предположении, что возможный переход к детерриториальной логике пространственной организации политики соответствует переходу от государственно-центричного вестфальского порядка — с национальным государством, полностью контролирующим свою территорию, — к поствестфальскому европейскому порядку, где территориально обособленные суверенитеты постепенно растворяются в новом транстерриториальном политическом объединении. С этой точки зрения, историческое развитие схематически делится на два различных этапа: сначала вестфальский этап, охватывающий период с середины XVII века до начала европейской интеграции в 1950-х годах или полное развертывание глобализации в 1970-х годах — золотой век территориального суверенитета; а затем недавний период ослабления и окончательного падения суверенитета, подрываемого и трансформируемого детерриториализацией и включением в единое поствестфальское политическое объединение — будь то федеративное сверхгосударство, консоциация, конфедерация, полицентричное «дисперсное объединение» (Schmitter, 1996), «международное государство» (Carogaso, 1996) или неопределенная развивающаяся формация «под знаком переходной эпохи» (Anderson 1997). Современность связывается здесь с территориальным суверенитетом, а постсовременность — с постсуверенной и детерриториализированной эпохой.²

В этой статье я покажу, что в таком представлении о глобализации / европейской интеграции имеется серьезный изъян. Точнее, я покажу, что нам необходимо начать с переосмысления вестфальского суверенитета XVII столетия, чтобы установить его фундаментальную неэквивалентность современному суверенитету. Более того, я покажу, что современный суверенитет, возникший и распространившийся в Европе в XIX веке, никогда не означал господства над своей территорией, а всегда был сопряжен с транстерриториальной логикой, проявлявшейся в транснациональных потоках капита-

2. См., например: Carogaso, 1996: 34, 45. «Вестфальское государство — это веберовский идеал, в котором монополия на легитимное физическое насилие, рациональная бюрократия и централизованная власть совпадают с территориально закрытым политическим устройством... Вестфальская система связана с организацией мира в территориально закрытые суверенные национальные государства с внутренней монополией на легитимное физическое насилие... Постсовременное государство... является абстрактным, разделенным и все более фрагментированным, не основаным на стабильных и последовательных сочетаниях проблем и не имеющим четко го публичного пространства».

лизма, которые преодолевали внешние границы, неизбежно бросая вызов национальному государству. Установление в XIX веке при поддержке Великобритании мирового рынка и консолидация мировой системы суверенных государств были одновременными и взаимосвязанными процессами. Иными словами, хотя современный суверенитет никогда не совпадал пространственно со своим обществом и экономикой, транснациональные потоки и территориальное государство не обязательно были противостоящими силами, а представляли собой структурно взаимосвязанные и взаимозависимые феномены. В капиталистических обществах деятельность гражданского общества неизбежно выходила за территориальные рамки «своих» государств. Это значит, что жесткая исследовательская дихотомия между доминированием государства «до» (1648–1950/1970) и отмиранием государства «после» (после 1950/1970) нуждается в пересмотре и смягчении, если мы действительно хотим понять нынешнюю констелляцию между территориальностью и политической властью в ЕС.

Эти первоначальные размышления показывают, что нам нужна куда более широкая историческая перспектива для осмысления общего вопроса о долгосрочном развитии связи между территориальностью и политической властью в Европе. Недавние несколько преждевременные слухи о смерти классического национального государства, основывающегося на фиксированной, четко очерченной и равномерно управляемой форме территориальности, обострили наше осознание исторически изменчивой, хотя и не случайной, корреляции между территориальностью и властью. Что же определяет конституирование и трансформацию территориальности? В этой статье я попытаюсь показать исторические различия в констелляциях между территориальностью и политической властью в европейской истории с эпохи Средневековья до настоящего времени, проследив «социальную географию политической территориальности». Кроме того, я попытаюсь внести свой вклад в дебаты о том, каким образом в европейской истории произошло рождение геополитического плюриверсума — особого и сложного территориального наследия, на преодоление которого с самого начала был нацелен процесс европейской интеграции. Основная задача этой статьи состоит не столько в ответе на вопрос о том, переживает или нет Европейский Союз процесс собственного преобразования в новый тип политического объединения, сколько в рассмотрении того, *как и почему* Европа стала системой многих государств, а не осталась имперским или феодальным образованием. Меня интересует не столько вопрос о том, означает или нет европейская интеграция распад многотерриториальности, сколько вопрос о том, почему межгосударственная система стала определяющей чертой европейской истории. Ответив на этот вопрос, нам будет проще понять, переживает ли современная система многих государств трансформацию во что-то еще.

Признание тезиса, что политическая территориальность динамична и исторически изменчива, а не статична и фиксирована, также означает отказ от распространенного представления, что территория — в своем

географически-топологическом или своем геостратегически-позиционном смысле—служит основной детерминантой формирования государства, государственности и внешней политики. Но эта территориальная онтология имеет большую и влиятельную родословную в политических и социальных науках. Главенство пространства и места пронизывает всю старую германскую школу геополитики и ее органицистскую и хтоническую концепцию государства (Teschke, 2001) и—в другом смысле—имеет большое значение для почти неизменной *longue durée* в социальной истории ранней школы Анналов и Фернана Броделя. Фиксированная территориальность как сущностный атрибут современного государства является, конечно, также определяющей чертой политической социологии Макса Вебера и обеих версий рационализма в теории международных отношений, а именно—неореализма и неолиберализма. Избежать «территориальной ловушки» (Agnew and Corbridge, 1995: 78ff.) и изложить альтернативную социально-политическую географию можно, если начать с утверждения о том, что территориальность невозможно абстрагировать от более широких способов, которыми общества (1) организуют свои отношения с природой; (2) координируют отношения между индивидами, образующими такие общества; и (3) организуют свои отношения друг с другом—иногда для обозначения этого используется словосочетание «международные отношения». Иными словами, я хочу сказать, что территориальность—это не «натурализированная» основа государства и что меняющиеся формы территориальности тесно связаны со способами социальной организации политических объединений и, в частности, со «стратегиями территориализации», которые используются правящими классами для укрепления своей власти и способностей к накоплению. Раскрытие социальной логики, стоящей за метаморфозами европейской территориальности, невозможно без анализа исторически различных социальных отношений собственности. Так, вопреки распространенным теориям международных отношений, будь то неореализм, неолиберализм или конструктивизм, я утверждаю, что социальные отношения собственности и формы классового конфликта, связанные с ними, играют определяющую роль в объяснении различных форм политических сообществ и территориальности, их исторически изменчивых и специфических форм конфликта и сотрудничества друг с другом и масштабной трансформации международных систем. Предлагая подробное историческое изложение этой идеи, я хочу выдвинуть еще один тезис о том, что историю формирования территорий и, в частности, формирования современного государства невозможно адекватно понять на основе неовеберианской исторической социологии, представляющей его в качестве следствия военного соперничества между стремящимися к централизации правителями и их бюрократически-рационализирующими усилиями в сфере государственного управления (в его военном, фискальном, финансовом или юридическом измерениях). Я также утверждаю, что отождествление современного государства, определяемого как осуществление легитимной монополии на средства физического насилия на ограниченной территории, с «вестфальским» не имеет

под собой никаких исторических оснований. Вестфальские соглашения о мире не содержали принципа современного суверенитета и связанных с ним международных отношений (Teschke, 2003). Скорее, они оставались укорененными в династическом суверенитете, имперских формах территориальности и докапиталистических отношениях собственности, которые структурировали систему государств раннего Нового времени. Но если Вестфалия не кодифицировала государственность Нового времени и если 1648 год — это всего лишь миф (хотя и необычайно влиятельный) такой дисциплины, как международные отношения, то нам необходимо заново написать историю истоков, консолидации и последующего роста современной международной системы. И это может послужить альтернативной отправной точкой для переосмысления природы ЕС.

Эта статья состоит из пяти частей. В первой рассматривается понятие «нового средневековья» и средневековая территориальность. Во второй описываются последствия упадка империи Каролингов для возникновения Европы как геополитического плюриверсума и различных форм образования государства во Франции и Англии. В третьей делаются выводы из этих различных направлений развития касательно природы территориальности и международных отношений в вестфальскую эпоху. В четвертой рассматривается вопрос о том, как капиталистическая Англия после «Славной революции» смогла реструктуризировать европейскую систему «старых режимов» и какое значение это имело для территориальной консолидации системы государств. В пятой излагаются общие соображения относительно связей между капитализмом и территориальностью.

ПОЛИТИКА, ГЕОПОЛИТИКА И ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

После того, как Хедли Булл ввел в употребление словосочетание «новое средневековье/неосредневековье» (Bull, 1977), оно стало широко использоваться для описания ЕС как объединения пространственно пересекающихся политических компетенций и множественных лояльностей, размывающих территориальный суверенитет (Friedrichs, 2001). Пристальное рассмотрение в этой части статьи социального производства средневековой территориальности позволяет показать объяснительную бесполезность этой идеи. Несмотря на возможность существования некой поверхностной аналогии между средневековым и «поствестфальским» порядком, концептуальный смысл «нового средневековья» является метафорическим, а не аналитическим. Между средневековыми и современными формами территориальности лежит огромная пропасть.

Современное государство и система государств покоятся на четком различии между внутренней и международной политикой, иерархически организованной в территориально ограниченное государство и анархически упорядоченной между территориально различными государствами. В то же время эта система связана с закрепленным законодательно разделением

между «государственным» и «частным», основная особенность которого состоит в разделении экономической области рынков и прав собственности и политической областью государства и правительства. Для средневекового социального порядка не было характерно ни типичное разграничение между внутренней и международной сферами, ни разделение политики и экономики. В средневековом мире, в котором отсутствовала такая двойная дифференциация, основную проблему представляет определение пространственной природы политического (и геополитического) и выделение участников, которые вправе были заниматься «международными» отношениями того времени (Teschke, 1998).

Средневековая политика и геополитика не была ни чисто анархической, ни чисто иерархической, а всегда содержала в себе вертикальные и горизонтальные отношения субординации и координации между крайне дифференцированными носителями политической власти. И было бы ошибкой подводить весь спектр различных носителей политической власти — папу, императора, королей, герцогов, графов, епископов, городов, сеньоров — под общий термин государственно-подобных «конфликтующих единиц», так как никто из них не обладал монополией на средства насилия, гарантирующие исключительный контроль над ограниченной территорией. Политическая власть была рассеянной, раздробленной и пересекающейся, в отличие от ограниченной, единой и исключительной власти, на которую претендовали современные государства.

Как это объяснить? Классическая литература о феодализме следует либо традиции Вебера-Хинце (Weber, 1968; Hintze, 1968), которая описывает феодальную политику как тип патримониальной власти в социологической типологии господства, либо социальному историку Марку Блоку, который изучал феодализм как особую форму аграрной экономики, основанной на крепостничестве (Блок, 2003). Патримониальное правление, согласно Веберу, основывается на расширенном хозяйстве правителя, в котором администрация и сила находятся в прямом личном распоряжении правителя. Феодализм — это патримониальное правление, географически рассеянное между подчиненными (вассалами) и основанное на личных связях между господином и его вассалами. Крепостное крестьянство имело доступ к средствам существования, земле и ее плодам, а правящий класс в состоянии был силой забирать часть общей продукции.

Трудность состоит в понимании связей между политическими и экономическими аспектами феодализма. Они также объясняют специфически средневековую конфигурацию территориальности, особые отношения между внутренним и внешним. В сравнении с современным государством наиболее поразительной чертой феодального мира является отсутствие государственной монополии на средства физического насилия. Вместо этого они распределялись между членами господствующего класса, обычно в пирамиде отношений господина, вассала и вассалов самих вассалов. Средства физического насилия и политическая власть одновременно служили способом господства и эксплуатации масс непосредственных производителей, кре-

стьянства в преимущественно аграрной экономике. Поскольку прямые производители, как правило, имели в своем распоряжении средства к существованию, феодальные господа силой получали доступ к продукции крестьян, используя средства политического принуждения, в зависимости от своей личной доли в средствах насилия. Таким образом они воспроизводили себя в качестве политических господ. Карл Маркс так описывал связь между экономическими и политическими аспектами этой формы общества:

Далее, ясно, что во всех формах, при которых непосредственный работник является «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для его производства средств его собственного существования, отношение собственности должно выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный... При таких условиях прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее. (Маркс, 1962: 343)

Роберт Бреннер (Brenner, 1986; 1987) показал, что именно этим определялась особая динамика феодализма, совершенно отличная от динамики капиталистических обществ. Поскольку для доступа к крестьянским излишкам (то есть продукции, превышающей уровень, необходимый для воспроизводства крестьян) нужны были средства политического принуждения (внеэкономическое принуждение у Маркса), господа участвовали в «политическом накоплении», то есть стремились укрепить свою политическую и принудительную власть для обеспечения своего собственного воспроизводства. Классовая власть господ, способность изымать экономические ресурсы у крестьянства, зависела от доступа к политической власти, которая в свою очередь давала доступ к правам собственности, включая права на самих непосредственных производителей. Власть феодального правящего класса означала собственность на средства принуждения. Как правило, отношения между производителями (крестьянами) и непроизводителями (господами и их вассалами) принимали форму «режима ренты», при котором крепостных принуждали либо отдавать часть своей продукции господину (в денежном или натуральном виде), трудиться в его владениях, либо платить земельную ренту. Эти отношения закреплялись в институте феодального поместья, одновременно составляющего властную единицу и сельскохозяйственное экономическое предприятие, которое было своего рода «кирпичиком» средневекового «государства». Таким образом, экономическое и политическое были тесно переплетены между собой в эпоху Средневековья.

Это переплетение политического господства и экономической эксплуатации непосредственно сказывалось на структуре средневековой политической власти и территориальности. Распределение власти между отдельными членами правящего класса, которые в своих владениях осуществляли власть над крепостными, приводило к тому, что «феодальное государство», понимае-

мое как совокупность феодальных владений и поместий, становилось географически децентрализованным, институционально персонализированным и внутренне зависимым от соперничества между господами за относительную долю в контроле над землей и рабочей силой. Именно это имел в виду Перри Андерсон, говоря о «парцеллизированном суверенитете» (Anderson, 1974). Поскольку господа владели землями не как частной собственностью, а, как правило, получали их во владение от вышестоящего господина, такие господа обязаны были служить — в военном и административном отношении — господину. Иными словами, права собственности никогда не были абсолютными, а всегда предоставлялись *при условии* выполнения определенных обязательств, изложенных во взаимном вассальном «договоре», восходящем напрямую к тому, кто находился на вершине феодальной пирамиды (как правило, это был король). Но эта связь между вассалом и сюзереном, часто распространявшаяся на различные уровни, не означала абсолютной иерархии и подчинения, поскольку вассалы были не гражданскими служащими или функционерами, а вооруженными землевладельцами и — потенциально — полноценными политическими господами. Немецкие медиевисты называли этот феномен «государством ассоциированных личностей» (*Pesonenverbandsstaat*) (Mayer, 1963; Brunnner, 1992; Mitteis, 1975).³

Будучи носителями оружия, необходимого для подчинения крестьян и военной службы своим сюзеренам, господа имели право использовать свои владения (феоды) (Brunner, 1992) против своих сюзеренов, когда они ощущали, что с ними поступили несправедливо, и против других господ. Особый институт «феода» свидетельствовал об отсутствии разделения между частным и государственным, внутренним и международным, законным и преступным обращением к оружию. Это выражалось в некоторых внутренних противоречиях феодального правящего класса. Иными словами, поскольку средства физического насилия распределялись между господами по всей феодальной пирамиде в контексте аграрной политической экономии, основанной на режиме ренты от крестьянина господину, средневековые политические объединения не были ни полностью внутренне упорядоченными и основанными на безличном праве, ни чисто анархическими и основанными на голой силе. «Внутреннее» и «международное» переплетались между собой точно так же, как экономическое и политическое. Феодальную политику невозможно разделить на ограниченную внутреннюю область иерархии, с одной стороны, и внешнюю анархию — с другой. Никакой особой сферы анархических международных отношений, в которой мог действовать баланс сил между различными политическими объединениями, не существовало.

Чем же определялись средневековые политические и геополитические отношения? Я уже отметил выше, что «кирпичиком» феодального общества был институт феодального владения. Доступ к собственности определялся политически, и каждый отдельный господин вступал в антагонистические

3. Об анахроничной ошибке, состоящей в применении современного термина «государства» к Средневековью, см.: Davis, 2003.

отношения с крепостным, но оказывавшим сопротивление крестьянством и другими, враждебно к нему настроенными господами. Поэтому господские «стратегии воспроизводства» требовали систематических вложений в средства насилия, а не в средства производства для осуществления контроля над землей и рабочей силой. Это и имеет в виду Бреннер, говоря о «политическом накоплении». Потребность в этом вызвала ряд военно-технологических инноваций, несмотря на застой в инновациях в экономически продуктивных технологиях. Поскольку крестьяне производили продукцию в основном для поддержания жизни, то есть для собственного потребления, они стремились диверсифицировать производство, а не специализировать его, а поскольку господа изымали излишки в основном для непроизводительного потребления (военное оснащение и показное потребление), экономическая динамика в долгосрочной перспективе была относительно статичной.

Но систематическое поддержание военной силы также было предпосылкой (и следствием) для усиления эксплуатации рабочей силы, завоевания соседних областей, прямой междоусобной войны сюзеренов с вассалами, притязаний на новые земли, освоения и защиты их, а также успешного проведения матримониальной политики и конфликтов за наследные земли. «Приобретение земель переводилось напрямую в географический рост государственной территории, и потому феодальная терри-

ториальность всегда была смещающейся, включающей и расширяющейся, в соответствии с военными и матримониальными успехами его знатного класса». Его географический размер был не только функцией политического накопления; территорияльность сама была вертикально опосредованной и горизонтально пронизанной различными слоями субфеодизации, так что один клочок земли мог иметь несколько политических господ, предъявлявших различные притязания на него.

Кроме того, поскольку территорияльность покоилась на подвижных основаниях, политическое пространство не имело четко очерченных границ, а имело пограничные зоны. И поскольку эти зоны постоянно оспаривались, они также пользовались особыми свободами и привилегиями военного командования, предоставлявшимися королем и осуществлявшимися маркграфами, которые образовывали полуавтономные маркграфства, крепости, представлявшие угрозу соседним феодальным королевствам, а также самим королям. Поскольку право на войну не было монополизировано государством и могло олигополистически использоваться иерархией

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ОБЪЕДИНЕНИЯ НЕ БЫЛИ НИ ПОЛ-
НОСТЬЮ ВНУТРЕННЕ УПОРЯДО-
ЧЕННЫМИ И ОСНОВАННЫМИ
НА БЕЗЛИЧНОМ ПРАВЕ, НИ ЧИСТО
АНАРХИЧЕСКИМИ И ОСНОВАННЫ-
МИ НА ГОЛОЙ СИЛЕ

господ, то же относилось и к миру, который был неоднозначным состоянием, поддерживавшимся различными участниками в форме «мира на земле», «божьего мира или перемирия» или «мира городов».

Короче говоря, политическая логика воспроизводства знати, основанная на классовом разделении между производителями-крестьянами и непродукающей знатью, также определяла характер Средневековья как культуры войны, безгосударственного общества и мобильного — фрагментированного, пересекающегося и смещающегося — территориального порядка. Это также позволяет увидеть относительно статичную логику экономического развития. Средневековая геополитика в большей или меньшей степени ограничивалась игрой политического накопления с нулевой суммой. И феодальную геополитику нельзя сводить просто к борьбе за безопасность между максимизирующими свое влияние участниками в среде, в которой они могут полагаться только на самих себя (Fischer, 1992), или к отражению идеальных самоописаний ее ключевых участников (Hall and Kratochwil, 1993). Скорее, она выражала конкуренцию господ за свою относительную долю в правах господства через политическое и геополитическое накопление. В этом отношении использование термина «новое Средневековье» для понимания современной политической территориальности является одновременно семантически анахроничным и вводящим в заблуждение.

РАСПАД КАРОЛИНГСКОЙ ИМПЕРИИ И СОЗДАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛЮРИВЕРСУМА

До сих пор я рассматривал средневековую геополитику и территориальность вообще. Но долгосрочное институциональное развитие средневековой Западной Европы происходило от образования империи (750-950 гг.) через эпоху феодальной анархии (950-1150 гг.) к повторной консолидации множества феодальных королевств (1150-1450) вплоть до окончательного упадка феодализма в Западной Европе в XV веке. Я уже писал подробно о Каролингской империи (Teschke, 2003; ch. 3), и здесь я ограничусь кратким изложением основных результатов. Когда в середине IX века каролингская «военная экономика» (Reuter, 1985; 1995) исчерпала свои возможности к завоеванию, глубокий кризис солидарности внутри правящего класса стал причиной последующего распада имперского государства. «Феодальная революция», произошедшая около 1000 года (Poly and Bournazel, 1991; Bisson, 1994), привела к установлению новой формы политического господства и экономической эксплуатации, охватывавшей целый ряд тесно связанных новых явлений. В социальном отношении произошло изменение статуса прямых производителей с рабства и свободного крестьянства на крепостничество (Bonnassie, 1991). В политическом отношении имел место длительный кризис правления, завершившийся феодализацией политической власти и возникновением «банального режима» (Duby, 1974). В военном отношении среди знати возникла внутренняя дифференциация, связанная с появлением рыцарского класса. В геополитическом

отношении «политическое накопление» знати привело к четырем волнам внешней экспансии, в результате которой франкские господа вышли за пределы каролингских земель в еще не завоеванные области (Bartlett, 1993). В течение 50 лет пост-франкские рыцари удовлетворяли свой земельный голод завоеванием британских островов (Норманнское завоевание, 1066 г.), Южной Италии (1061 г.) и восточного Средиземноморья (первый крестовый поход, 1096-1099 гг.), иберийского полуострова (Реконкиста, 1035) и обширных пространств славянских земель к востоку от линии Эльбы-Зале (*Deutsche Ostsiedlung*, 1110 г.). После «феодальной революции» рубежа тысячелетий феодальные политические сообщества распространились по всей Европе, оказав огромное влияние на различные региональные процессы формирования государства в течение позднего средневековья — начала Нового времени. Это экспансионистское движение во главе с рыцарями завершилось только в XV веке и задавало институциональные и географические параметры международной организации европейской системы государств раннего Нового времени.

Каковы долгосрочные последствия этого имперского упадка, сопровождавшегося впечатляющей волной завоеваний? Основная геополитическая конфигурация Европы как системы с множеством участников была следствием классовых конфликтов, которые разрушили каролингскую империю около 1000 года. После включения европейской периферии в феодальный мир рецентрализация феодальной власти позднесредневековыми королями заложила территориальную основу для политического плюриверсума, который в эпоху раннего Нового времени превратился в европейскую систему государств. Более того, распад франкской империи также определил регионально различные долгосрочные траектории формирования европейских государств, основанные на различиях в балансе классовых сил, особенно в двух важных случаях Франции и Англии. Конечным результатом, после общего кризиса XIV века, было развитие двух радикально различных комплексов государства/общества. В случае с Францией классовые конфликты между крестьянством, знатью и королем завершились переходом от феодализма к абсолютизму, а классовые конфликты в Англии привели к переходу от феодализма к капитализму. Эти различные траектории формирования государства в Англии и Франции — двух архетипических примерах строительства современного государства, которые часто (ложно) ассимилировались друг с другом, — и их последствия для европейской системы государств нуждаются в более подробном рассмотрении. Значение этих различных долгосрочных траекторий состоит в том, что французский абсолютистский комплекс государства/общества структурировал «вестфальскую» систему династических государств, тогда как английский капиталистический комплекс государства/общества бросил вызов этому порядку и постепенно навязал иную логику международных отношений континентальной Европе в XIX веке. Поэтому какого-то одного системного и одновременного перехода от «средневековья к Новому времени» не было (Ruggie, 1986; 1993): перехода было два. Они были тесно связаны друг с дру-

гом в долгосрочном процессе географически комбинированного и социально неравномерного развития. Об этом втором сдвиге речь пойдет в четвертой части статьи.

РАЗЛИЧНЫЕ ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ ВО ФРАНЦИИ И АНГЛИИ И КРИЗИС XIV ВЕКА

Между XI и XIV веками формирование феодального государства во Франции определялось слабой самоорганизацией правящего класса, что привело к крестьянской свободе и постепенному, затяжному и несовершенно строительству феодальной монархии. И именно потому, что концентрическая экспансия капетингской монархии была постепенным, частичным и затяжным процессом, политическая организация французского королевства никогда не достигала единства своей английской соперницы. Более важно, что французское «опосредование» («вассал моего вассала не мой вассал») означало, что влияние короля было намного слабее, чем в Англии после завоевания. Из-за этой недостаточной самоорганизации правящего класса региональная французская знать соперничала с королем в вопросах налогообложения и контроля над крестьянством. Эти конкурирующие притязания на окончательную юрисдикцию в конце концов имели решающее значение для улучшения статуса французского крестьянства (Brenner, 1985a; 1985b). В XII–XIII веках крестьянству удалось избавиться от крепостничества — барщина была заменена денежным оброком; а к началу XIV века *de facto*, хотя и не *de jure*, были установлены права собственности на имевшиеся наделы, включая право наследования. В ходе этого король обычно вставал на сторону крестьянства (политика защиты крестьян), поскольку утрата крепостного статуса была выгодна для него с точки зрения новой базы для доходов (теперь уже не ренты, а налогов) и одновременно подчинения соперников из числа знати.

Напротив, формирование государства в Англии после завоевания основывалось на сильной организации правящего класса и привело к навязыванию и усилению крепостничества и консолидации единой централизованной феодальной монархии. Господа получали свои поместья (во владение и наследование) «от короля», но не как частные патримонии. Король оставался верховным землевладельцем всей территории. И когда франкская Галлия распалась на бесчисленное множество банальных владений, Англия была единой *en bloc*. «Королевский мир», основанный на решающем слове короля, минимизировал континентальные практики частного владения, обеспечив признанные и легитимные институты для улаживания споров по вопросу земель, собственности и привилегий между членами англо-норманнского правящего класса (Caenper, 1988).

В XIV веке на значительной части Европы, включая Францию и Англию, наступил глубокий и продолжительный общий кризис. Последствия кризиса обострили франко-английские различия и привели к двум совершенно

различным способам трансформации в их соответствующих комплексах государства/общества.

Формирование французского государства: от феодализма к абсолютизму – от феодального господства к династическому суверенитету

Я показал, что до начала общего кризиса происходил постепенный упадок способности французских феодальных господ изымать излишки вследствие сопротивления со стороны крестьян и поддержки королем мелкой крестьянской собственности. Когда во французской деревне разразился кризис, реакция сеньоров потерпела провал из-за продолжавшегося крестьянского сопротивления и королевской защиты крестьянских фригольдов. В поисках альтернативы господа начали бороться друг с другом, пытаясь так сохранить свои доходы, и все чаще стали идти на службу «государству», особенно во время и после Столетней войны. Частная собственность в государственном аппарате изъятия в форме откупных мест, то есть государственных должностей, продаваемых знати, открыла новые возможности получения дохода для дефеодализованной знати. Старое «дворянство шпаги» (*noblesse d'épée*) постепенно превратилось в «дворянство мантии» (*noblesse de robe*). В результате произошла консолидация мелкой крестьянской собственности, которая теперь облагалась налогами централизованным «дворянством мантии». Абсолютистское государство теперь вращалось вокруг королевского двора как центра интриг и фракционного соперничества среди знати. Во Франции XVI–XVII веков наблюдалась растущая консолидация абсолютистского налогового/должностного государства (Brenner, 1985b), несмотря на спорадические волны сопротивления знати. Общий кризис ускорил трансформацию феодального режима ренты (от крестьянина господину) в абсолютистский налоговый режим (от крестьянина королю).

Но можно ли отождествлять такое новое абсолютистское налоговое/должностное государство с современным государством, как это делается в литературе, которая считает Вестфалию источником современной системы государств (Ruggie, 1993; Spruyt, 1994; Philpot, 2001)? Этот вопрос важен именно потому, что Франция часто описывается как классический случай формирования современного государства, а также потому, что Франция, вместе со Швецией, сыграла решающую роль в определении содержания Вестфальского мирного договора и общего характера вестфальской системы государств, сложившейся после 1648 года.

Мы видели, что централизация суверенитета в абсолютистском налоговом/должностном государстве не означала разделения государственной и частной областей, политики и экономики, поскольку суверенитет в нем олицетворялся королем, а его владения были его патримониальной собственностью. В этом контексте суверенитет означал проприетарное королевство (Rowen, 1980; Symcox, 1974) или «генерализованное личное господство» (Gerstenberger, 1990). Трансформация Франции из феодальной монархии в абсолютистскую не создала современного суверенитета. Хотя включение

аристократии как должностных лиц в патримониальное государство разрушило феодальную автономию, занятие должностей создало новые аристократические привилегии *внутри* государственного аппарата. Абсолютизм никогда не означал неограниченной королевской власти, а всегда предполагал институционализацию нового и нестабильного *modus vivendi* между королем и аристократией. Недавние исторические исследования убедительно показали, что откупные места, покровительство и прислуживание препятствовали созданию современной бюрократии в веберовском смысле (Beik, 1985; Mettam, 1988; Hoffman, 1994; Parker, 1996; Asch and Duchhardt, 1996). Налогообложение не было единообразным. Получение знатью доходов от налогообложения было связано с невозможностью создания постоянных собраний представителей. В различных регионах и для групп с различным статусом действовали различные своды законов. Никакой системы государственных финансов не существовало. Средства физического насилия не были монополизированы государством; ими обладал король, который занимался продажей должностей в армии. Такая торговля должностями подрывала королевские притязания на монополию на насилие. Экономической политикой докапиталистического государства был меркантилизм. Короче говоря, во Франции эпохи раннего Нового времени отсутствовали все институциональные атрибуты современного государства. Абсолютистское государство не было ни современным, ни эффективным, ни рационализированным.

Но было ли абсолютистское государство той модернизирующей и рационализирующей силой, которая устанавливала баланс противоречивых классовых интересов «ретроградной» знати с «прогрессивными» проектами буржуазии, ненамеренно создавая условия для появления капитализма? Абсолютистское налоговое / должностное государство не смогло создать условий для самостоятельного капиталистического развития и сохранило логику политического и геополитического накопления вследствие сохранения докапиталистических аграрных отношений собственности. Принудительное налогообложение крестьян в форме централизованной ренты сочеталось с диверсифицированным крестьянским производством, нацеленным на поддержание жизни, а не на рыночную специализацию, и дроблением наделов. Процедуры налогообложения, в свою очередь, обеспечивали сохранение аппарата принуждения и господства и королевское показное потребление, поддерживая «состояние перманентной войны».

Таким образом, формирование государства в этот период не было, как на разные лады повторяет современная неовеберовская ортодоксия в исторической социологии (Skocpol, 1979; Mann, 1986; Tilly, 1985, 1992; Bonney, 1995; Reinhard, 1996), следствием интенсивного геополитического соперничества. С этой точки зрения, военное соперничество было решающим фактором в системной причинной цепи, которая привела к состоянию перманентной войны, росту расходов, изъятию ресурсов, новым способам налогообложения, военно-техническим изобретениям, монополизации средств насилия государством и государственной централизации и рационализации. Скорее, государственное строительство в эпоху раннего Нового времени следует

считать отчаянной и, в конечном итоге, самоубийственной попыткой сконцентрировать свои средства эксплуатации и принуждения, усилить темпы эксплуатации и увеличить свое относительное международное влияние на территории в контексте застоя в производстве и — иногда — в контексте свертывания аграрной экономики⁴.

Когда кризис разразился вновь в начале XVII века, острый классовый конфликт за распределение доходов послужил причиной крестьянских восстаний, недовольства знати и королевских репрессий. Этот кризис воспроизводства позволяет также объяснить новые системные попытки геополитического накопления в форме религиозных войн и Тридцатилетней войны, в которой Франция играла, конечно же, ведущую роль. Внутри страны абсолютизм означал гипертрофированный рост паразитического класса тех, кто занимал откупные должности и обеспечивал свое воспроизводство благодаря доступу к средствам принуждения (должностям), пытаясь изымать излишки из неспособной к самостоятельному развитию экономики. В международном отношении это означало усиление войны, понимаемой как геополитическое накопление, то есть конфликт среди правящего класса. Оба процесса перегружали систему, пока наконец не наступила катастрофическая развязка. В долгосрочной перспективе докапиталистический комплекс государства/общества во Франции, зажатый в тиски между чрезмерными ставками налогообложения и стремительно растущими военными расходами, пережил ряд фискальных кризисов в течение XVIII века, в конечном итоге потерпев крах во время Великой французской революции. Вопреки Чарльзу Тилли, *докапиталистические государства создавали войны, но войны разрушали государства*. В том, что касалось развития, абсолютизм был не переходным обществом, а тупиком. События 1789 года были вызваны не буржуазным средним классом, постепенно созревающим в утробе абсолютистского государства, а недовольными государственными чиновниками, которые не были капиталистами и которые не установили капитализм (Comminel, 1989; Doyle, 1999).

Англия: от феодализма к капитализму — от династического суверенитета к абстрактному

Экономическое и политическое развитие в Англии двигалось совершенно иным путем. Когда в XIV веке в Англии разразился кризис, достигший пика во время «черной смерти» (1348 г.),⁵ господа попытались возместить падение доходов, увеличив ренту, несмотря на сокращение численности населения. Но реакция сеньоров потерпела провал из-за крестьянского сопротивления.

4. Я рассматривал роль городов и торговли в этом процессе в своей критике Хендрика Спрюйта и Фернана Броделя; см.: Teschke 2003: 32–39, 111, 137ff. Необходимо более глубокое исследование, включающее важное измерение отношений государства и церкви в общий нарратив.

5. «Черная смерть» — эпидемия бубонной чумы, захлестнувшая Европу в 1348–1349 годах и унесшая жизни более четверти населения в Британии и Ирландии. — *Примечание переводчика.*

ния, кульминацией которого стало восстание 1381 года (Hilton, 1988). Английское крестьянство устранило многие феодальные ограничения и получило полную свободу. Но вместо получения прав собственности на свои наделы (фригольды) и закрепления наследственного владения, как во Франции, английское крестьянство в XVI–XVII веках постепенно было изгнано землевладельцами со своих земель. Основным механизмом в этом процессе «первоначального накопления» была способность господ изменять и повышать плату за крестьянские копигольды. Крестьяне, неспособные внести такую плату, лишались доступа к землям, а землевладельцы начинали получать рыночную ренту с этих наделов. Там, где крестьяне пытались защитить свои традиционные права (особенно в отношении общинных полей), последовательное огораживание лишило крестьян средств к существованию. Постепенно землевладельцы изгнали крестьян с их земель, объединив и огородив «свои» владения, и стали сдавать их крупным капиталистическим арендаторам, которые

занимались коммерческим сельским хозяйством с привлечением наемной рабочей силы (Brenner, 1985a, 1985b). В этом процессе английские крестьяне не были под защитой монархии, и французская модель союза крестьян/короля так и не была создана, исключив формирование абсолютизма в виде налогового/должностного государства. Результатом этого процесса было разрушение старой способности землевладельцев извлекать

В АНГЛИИ НАЧАЛА НОВОГО ВРЕМЕНИ УСПЕХ НА РЫНКЕ СТАЛ ЗАВИСЕТЬ ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

политические излишки и подчинение крестьян и землевладельцев экономическим императивам рынка. Рынок означал теперь не возможность продажи излишков, а экономическую необходимость, в которой нуждались капиталисты и наемные работники для своего воспроизводства (Wood, 2002).

Как утверждает Роберт Бреннер, установление аграрного капитализма было непреднамеренным следствием этих классовых конфликтов между производителями и непроизводителями за права собственности в особом регионе Европы. Оно не было следствием постепенной и общеевропейской коммерциализации и монетизации экономической жизни, вызванной торговлей и определявшейся зарождавшейся буржуазией (Brenner, 1977, 1989). Здесь я говорю о капитализме как способе экономического производства, основанном на таких отношениях собственности, при которых непосредственные производители отделены от средств, обеспечивающих их существование, и вынуждены не просто производить для рынка, но и воспроизводить себя на рынке. Производители вынуждены продавать свою рабочую силу собственникам средств производства, чтобы получить средства к существованию. Рабочим платят заработную плату, а собственники получают прибыль от производства и продажи товаров и услуг. Этот тип рынка предъявляет такое требование, которому подчиняются и рабочие, и капиталисты (соб-

ственников). Это требование выживания в условиях конкурентных законов рынка порождает ряд взаимосвязанных феноменов. Как правило, зависимость от рынка влечет за собой конкуренцию между капиталистами, вызывая систематическое повторное вложение в средства производства (а не в средства насилия), подстегивая технологические инновации, повышая производительность и определяя динамичный процесс экономического роста. Экономическое, а не политическое накопление с помощью цен, а не оружия, является доминирующей формой капиталистического воспроизводства.

В Англии начала Нового времени успех на рынке стал зависеть от экономической конкурентоспособности. Сокращение издержек и инновации стали новыми механизмами увеличения производительности в коммерческом сельском хозяйстве. Систематические повторные вложения в средства производства способствовали развитию сельского хозяйства, разрыву мальтузианских циклов в деревне и началу самостоятельного экономического развития в форме «сельскохозяйственной революции» (Kerridge, 1967; Beckett, 1990). Резкое увеличение производительности в сельском хозяйстве сочеталось с развитием промышленности и привело к устойчивому экономическому росту, созданию внутреннего рынка и в конечном итоге к «промышленной революции». Несмотря на быстрый рост населения и урбанизацию (Wrigley, 1985), общий кризис XVII века оказал не слишком большое влияние на Англию.

В политическом отношении трансформация милитаризованного и децентрализованного класса господ в демилитаризованный класс капиталистических землевладельцев обеспечила «социальную базу для новой конституционной монархии». К власти в парламенте пришла капиталистическая аристократия, а не торговая буржуазия, и именно она стала определять положение дел в государстве (Brenner, 1993). Самоорганизация предпринимательской земельной аристократии в парламенте означала, что «суверенитет начал централизоваться и объединяться в государстве, которое больше не было вовлечено непосредственно в процессы политического накопления», не говоря уже о том, что в XVIII веке было принято множество парламентских законов об огораживании. После антиабсолютистских революций XVII века, в которых аграрные частные собственники объединили свои политические силы против монархии, суверенитет принял формулу «король в парламенте». Благодаря ряду королевских уступок — Билль о правах 1689 года, Трехгодичный акт 1694 года и Акт о престолонаследии 1701 года — «комитет землевладельцев», который образовал парламент, сохранил контроль над налогообложением, армией, правовой системой, внешней политикой и право самостоятельного созыва (Brewer, 1989). Это также гарантировало безопасность нового режима частной собственности и обязательность договора. Кроме того, «финансовая революция» соединила новую систему налогообложения — национальную, единообразную и эффективную — с современной системой государственного кредита (Национальный долг 1693 года, Банк Англии 1694 года), превосходно позволявшего собирать средства (Dickinson, 1967; van der Pijl, 1998: 71), а откуп должностей и коррупция открыли путь к рационализированной бюрократии.

тии. Капитализм возник вместе с первым современным государством, но это был капитализм в одной, отдельно взятой стране.

Каково значение всего этого для современного суверенитета? Переход от феодализма к капитализму вызывает переход от режима политического накопления, основанного на феодальном режиме ренты, к режиму экономического накопления, основанному на капиталистическом режиме заработной платы. Феодализм связан с децентрализацией и персонализацией политической власти господами, создающей парцеллизованный суверенитет средневекового «государства», а абсолютизм связан с централизацией и сохраняющейся персонализацией политической власти в династиях. В отличие от них, капитализм делает возможной централизацию и деперсонализацию политической власти в виде современного государства. При капиталистическом способе производства власть правящего класса покоится на частной собственности на средства производства (и контроле над ними), и от государства больше не требуется прямого вмешательства в процессы производства и присвоения. Его основная задача состоит в поддержании внутреннего спокойствия и внешней защите режима частной собственности. Это предполагает введение того, что теперь принято называть гражданскими контрактами между политически (хотя и не экономически) равными и свободными гражданами, подчиняющимися гражданскому закону. Это в свою очередь предполагает государственную монополию на средства насилия, которая делает возможным создание «беспристрастной» государственной бюрократии. Политическая власть и особенно монополия на средства насилия теперь могут быть сосредоточены в государстве, стоящем над экономикой. Хотя эти возможности, конечно, не исчерпывают определение роли современного государства; связь между капиталистическими отношениями собственности, действующая в не связанной с принуждением экономической сфере, и тем, что Маркс называл «чисто политическим» государством, остается сильной, особенно в случае с Англией. Разделение между экономическим и политическим встроено в эту форму капитализма (Wood, 1995; Rosenberg, 1994; Bromley, 1999). В Англии классовый конфликт по поводу отношений собственности породил динамичную капиталистическую экономику и новые формы политической власти, соединившиеся в новом комплексе государства/общества, который радикально отличался от своих европейских (особенно французских) соседей.

Вестфальская система государств: сохранение династической территориальности

Предложенное описание полностью противоречит распространенному представлению о современности Вестфальских мирных соглашений.⁶ Моя идея состоит в том, что вестфальская система оставалась по сути своей

6. Хотя Краснер сомневается в современности Вестфалии, он не предлагает альтернативного теоретического осмысления различных форм суверенитета: «Правители хотят править». (Krasner, 1993, 1995, 1999).

досовременной, основанной на политических сообществах и формах территориальности, которые по-прежнему были укоренены в докапиталистических отношениях собственности (Teschke, 2002). Но в XVII–XVIII веках в европейской системе государств сосуществовали совершенно разные типы государства. Франция, Австрия, Испания, Швеция, Россия, Дания-Норвегия, Бранденбург-Пруссия и Папская область были абсолютистскими государствами. Священная Римская империя сохраняла свой статус конфедеративной избираемой монархии вплоть до 1806 года. Голландские Генеральные штаты провозгласили независимую олигархическую торговую республику. Польша была «коронованной аристократической республикой», а Швейцария — свободной конфедерацией кантонов. Итальянские торговые республики боролись против своей трансформации в монархии. Англия превратилась в парламентскую и конституционную монархию, имевшую первую капиталистическую экономику. Интересно, как отмечает Жюстин Розенберг (Rosenberg, 1994), что Англия была единственной крупной европейской державой, не участвовавшей в Вестфальском соглашении. Тем не менее, несмотря на многообразие этих политических форм, в вестфальской системе преобладали — и в численном, и во властном отношении — династически-абсолютистские государства. Но династический суверенитет, как мы установили в случае с Францией, не имел ничего общего с современным суверенитетом. В династических государствах суверенитет был персонализирован в монархе, считавшем государство частной патримониальной собственностью правящей династии.

Проприетарное королевское правление означало, что государственная политика и *a fortiori* внешняя политика осуществлялась не от имени интересов государства или национальных интересов, а от имени династических интересов. *Raison d'Etat* означали *raison de roi*. Так обстоит дело главным образом в дипломатических и внешних сношениях, где монархи стремились навязать свои «личные правила» обсуждения своих частных притязаний на суверенитет соседних монархов. Это было отражением того факта, что стратегии расширенного экономического воспроизводства правящих классов, организованные в абсолютистски-патримониальном государстве, оставались связанными с логикой политического и геополитического накопления, основанного на вложениях в средства присвоения.

Аналитически эти стратегии можно разделить на (1) произвольное и часто принудительное налогообложение крестьянства королем, опосредованное (2) продажей должностей безземельному «дворянству мантии», которое соперничало с дефеодализированным «дворянством шпаги». Это дополнялось (3) геополитическим накоплением посредством войны и династической брачной политики и (4) политически поддерживалось и закреплялось благодаря королевской продаже монопольных прав на торговлю привилегированным торговцам. Поэтому основным вопросом в войнах эпохи Нового времени, как убедительно показал Холсти (Holsti, 1991), была борьба за династические территориальные проприетарные притязания и за монопольную торговлю и полный контроль над торговыми путями.

Но поскольку абсолютистские государства оставались зависимыми от логики геополитического накопления, стремление к имперской территориальной экспансии продолжало определять развитие международных отношений. Паритет, основанный на суверенном равенстве, вновь и вновь нарушался имперским устройством, отражавшемся в номенклатуре различных глав государств. Шкала званий суверенов была нисходящей. Первым шел император Священной Римской империи, за ним шел «самый христианский король», король Франции (Kaiser, 1990). Наследственные монархи, как правило, стояли выше избираемых, а республики стояли ниже монархий; затем шли аристократии без королей и вольные города. Положение Англии было существенно более слабым вследствие существования в Содружестве различных правительств; и всякий раз, когда имело место несоответствие между *de facto* весом и титулом государства, как в случае с Голландией и Венецией (Anderson, 1993; Duchhardt, 1997), возникали серьезные конфликты за главенство. Принятие Петром Великим в 1721 году титула императора вызвало заметное недовольство не только в Вене, которая не собиралась мириться с существованием второго императорского титула в Европе, но и в Британии, которая признала титул только в 1742 году, и во Франции, признавшей его еще позднее — в 1772 году. К концу XVII века многие германские участники стремились получить королевский титул, сознавая, что титул герцога или статус курфюрста исключали их из международной политики.

Кроме того, связь между централизованной государственной властью и патримониальной собственностью означала, что международные отношения во многом были схожи с «частными» семейными отношениями правящих монархов. Поскольку суверенитет передавался по рождению, пол короля, как утверждал Маркс, имел политическое значение. «Высшим конституционным актом короля является поэтому его деятельность по воспроизведению рода, ибо ею он и производит короля и продолжает свое тело» (Маркс, 1955: 264–265). Из этого следовало, что биологически детерминированная игра династической генеалогии и семейное воспроизводство (проблемы преемственности, брака, наследования, бездетности) определяли саму природу геополитики раннего Нового времени.

Принимая во внимание сохраняющуюся персонализацию суверенитета, сотрудничество и конфликт в эпоху раннего Нового времени определялись двумя соперничающими закономерностями. Во-первых, проприетарное королевство вызывало систематическую политику «династического брака» как инструмента для увеличения территории и сохранения и преумножения богатства (Anderson, 1974: 39). Династические браки были не просто отличительной особенностью тогдашних «международных» отношений; они служили наименее затратной и наиболее быстрой стратегией расширенного личного воспроизводства абсолютистских правителей. Это был геополитический порядок, при котором «государства» могли «жениться» на «государствах». Во-вторых, возникшая в результате сеть межрегиональных династических семейных отношений и альянсов одновременно содержала в себе семена беспорядка, разделения и дестабилизации. «Частные» межсемейные

и внутрисемейные споры, несчастные случаи и болезни немедленно перерастали в «государственные» конфликты (Kunisch, 1979). Споры о генеалогическом/наследственном старшинстве обычно разрешались войной. Вслед за меркантилистскими торговыми войнами, «войны за наследство» стали наиболее распространенной формой международного конфликта (Luard, 1993: 149–173). Войны за испанское наследство (1702–1713/1714), польское наследство (1733–1738), австрийское наследство (1740–1748) и баварское наследство (1778–1779) служат показательными примерами такого типа международного конфликта в эпоху раннего Нового времени. В каждом из этих случаев именно потому, что династические семейные споры, опосредованные сетью династических семейных отношений, неизбежно затрагивали почти все европейские государства, очередной кризис по поводу наследства сразу же перерастал в общеевропейский конфликт.

В чем же тогда состоял баланс сил? Распространенные теории международных отношений полагают, что баланс сил — как автоматический механизм саморегулирования (Waltz, 1979) или как сознательная стратегия, нацеленная на регулирование геополитики (Luard, 1993; Gulick, 1967) — стабилизирует международные отношения посредством формирования альянсов даже в таких системах, которые характеризуются крайне неравномерным распределением влияния между ее основными участниками. Но история геополитики начала Нового времени не только свидетельствует о непрекращающихся войнах, но и показывает резкое сокращение количества политических участников. Принимая во внимание имперские устремления докapiталистических государств, баланс сил был не стабилизирующим механизмом, который гарантировал независимость и выживание небольших государств, а хищнической внешнеполитической техникой, используемой великими династиями для устранения мелких политических объединений и максимизации своей территории и богатства. Эта техника требовала консенсуса между ведущими державами — «соблюдения приличий» (Duchhardt, 1976) — и подталкивала к поддержке более сильного, а не к балансу (Schroeder, 1994). Династический баланс сил означал «равенство в увеличении влияния» (Wight, 1966: 156), которое вело к системе упраздняющего или компенсационного равновесия между крупными державами.

Династическая структура межгосударственных отношений прямо влияла на современную территориальность. Политика междинастических семейных отношений способствовала появлению надрегиональных территориальных конструкций, особенно «династических союзов», которые основывались на логике территориального (бес) порядка и логике территориальной последовательности и стабильности. Матримониальная политика и практики наследования, опосредованные насильственным конфликтом, вели к частому перераспределению территорий между европейскими правителями. Территориальное единство означало не что иное, как единство правящего дома, персонифицируемое главой династии. Но единство дома не обязательно означало географической близости его земель. Хотя эти территории были номинально «ограниченными», принадлежа суверену, они

образовывали географические конгломераты, управлявшиеся различными сводами законов и налоговыми режимами, пересекавшими карту Европы. Европа раннего Нового времени была государственной системой «составных монархий» (Elliott, 1992). В то же время постоянное изменение размера территории «государств» раннего Нового времени обострило проблему внутренней административной целостности. Австрия, Испания, Швеция, Россия или Пруссия олицетворяли рассеянный и разбросанный мозаичный характер территориальности раннего Нового времени, соединяя многоэтнические провинции с различными правовыми традициями, которые не имели ничего общего, кроме своих правителей.

Но если создание современного политического пространства оставалось функцией абсолютистской геополитики, расширяясь и сужаясь вместе с военными и матримониальными успехами династий, то утрата знатью возможностей для эксплуатации и их поглощение патримониальным государством означала преодоление парцеллизированного суверенитета и территориальности феодализма. Внутреннее усмирение знати, ее включение в патримониальный государственный аппарат и переопределение суверенитета как проприетарного королевства отделило внутренние — невоенные — отношения от внешних. Внутренние и внешние аспекты территориальности стали все более четко обозначаться границами. Хотя абсолютистская территориальность и не была тождественна абстрактной и ограниченной природе того, что теперь принято считать современным пространством, она больше не была пересекающейся и пористой. Хотя окончание вражды среди знати, которая выражала соперничество за территорию среди правящего класса, свидетельствовало об «одомашнивании» аристократии, оно также усилило консолидацию множества территорий, возглавляемых династиями. Поэтому геополитическое накопление прежде всего определялось как игра между центральными правителями, разыгрывавшаяся в территориальном плюриверсуме.

Короче говоря, 1648 год означал конец феодальной геополитики и имперских и папских притязаний на политическое и моральное превосходство. Но он не возвестил о начале эпохи системы современных государств. Вестфалия кодифицировала геополитические отношения династически-патримониального суверенитета. При всей анархичности вестфальской системы (хотя и опосредованной иерархией государей) эта анархия была связана не с интересами безопасности государств, а с соперничающими проприетарными интересами королей. Абсолютистское геополитическое накопление консолидировало Европу как систему множества государств; тем не менее эти множественные территории не были организованы в абстрактной, то есть современной, форме суверенитета.

К «поствестфальской» Европе

Как же тогда династическая, то есть проприетарная и колеблющаяся, территориальность трансформировалась в то, что мы считаем «современной», то есть деперсонализированной, гомогенной и фиксированной террито-

риальностью? На мой взгляд, ответ состоит в том, что эта трансформация напрямую связана с формированием капитализма и ростом современного государства в Англии. В период между окончанием Славной революции и восшествием на престол первого ганноверского короля Георга I британская внешняя политика сменила свою направленность в результате консолидации капиталистического режима социальной собственности, которая, в свою очередь, революционизировала институциональное устройство британского государства (Brenner, 1993; Wood, 1991; Parker, 1996). Но именно потому, что появление капитализма и современного суверенитета не было одновременным и общеевропейским феноменом, а произошло сначала в Англии, мы не можем считать переход от досовременной геополитики к современным международным отношениям системным разрывом — «прерыванием геополитической преемственности» (Rosenberg, 1994) — и должны рассмотреть, как новый британский комплекс государства/общества повлиял на изменение европейской системы государств в долгосрочном процессе «геополитически комбинированного и социально неравномерного развития», сыграв в нем ключевую роль.⁷ Кроме того, поскольку британское государство действовало не в геополитическом вакууме, более широкая международная обстановка также сказывалась и на его собственном развитии. Наконец, поскольку капитализм возник в международной среде, которая уже представляла собой политический плюриверсум, мы не можем выводить систему государств (множества территорий) из капитализма, а должны понять, как перенос капитализма на Континент изменил природу суверенитета без разрушения ранее существовавших множественных территорий. Но международные отношения с 1688 года до Первой мировой войны и далее определялись геополитически опосредованной потребностью в модернизации, которая была создана капиталистической Британией, поставившей своих европейских соседей в *сравнительно невыгодное принудительное экономическое положение* (Teschke, 2003: ch. 8). И на протяжении этого длительного периода трансформации международные отношения были не современными, а «модернизирующимися».

БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СЛАВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ПОЛИТИКА СИЛЬНОГО ФЛОТА И АКТИВНОЕ БАЛАНСИРОВАНИЕ

Если капитализм не требовал внутреннего политического накопления для экономического воспроизводства, нам также следует ожидать наступления упадка внешнего геополитического накопления, которое определялось ведением войн в эпохи феодализма и абсолютизма. В конце XVII века британский суверенитет больше не принадлежал одному только королю, которому теперь приходилось разделять его с парламентом в контексте кон-

7. Мои выводы из этой аргументации относительно ортодоксального марксизма см.: Teschke, 2005.

ституционной монархии. Исторической предпосылкой нового отношения Британии к Европе было отделение внешней политики от династических интересов, связанное с наделением парламента — по Акту о престолонаследии 1701 года — правом принимать участие в выработке британской внешней политики (Black, 1991). Роль, стратегия и цели Великобритании (после Акта об унии 1707 года между Англией и Шотландией) в европейской политике существенно изменились в результате создания новых внутренних механизмов (McKay and Scott, 1983: 45–47). Парламент выработал уникальную «двойную внешнюю политику», основанную на политике сильного флота в заморских областях и на балансе сил на континентальном театре. «На протяжении почти трех веков (с 1650 по 1920 гг.) Великобритания обладала совершенно особой системой национальной безопасности» (Vaugh, 1988: 33). Политика сильного флота основывалась на противостоянии европейским державам при помощи технически и численно превосходящих военно-морских сил, отказе от континентальных территориальных амбиций и установлении океанской торговой гегемонии. Старые династические связи между ганноверами и их «родными» германскими землями казались парламенту опасным наследием. Они прямо противоречили стратегическим интересам Британии — ее «национальным интересам» (Brewer, 1989: 174; Vaugh, 1988: 34, 47). Кроме того, после Славной революции Британия перешла к активной политике баланса сил в европейской подсистеме (Duchhardt, 1989; van der Pijl, 1996: 61–62, 1998: 86). После Утрехтского договора 1713 года британская внешняя политика стала исходить не из принципа «естественных союзов» — того, что было известно, как «старая система», в которую входили Англия, Голландия и Австрия против Франции, — а из текучего принципа быстро меняющихся коалиций, вследствие чего на континенте Британию стали называть «коварным Альбионом». Это название во многом было обусловлено неспособностью династий постичь природу изменений большинства в парламентской системе, а также неспособностью понять логику послединастической внешней политики активного балансирования в контексте преимущественно династической системы государств.

Это значит, что в XVIII веке в Европе действовал весьма специфический режим балансирования. Хотя государства «старого порядка» продолжали политику имперской экспансии, определявшуюся геополитическим накоплением, парламентская Британия стремилась поддерживать баланс в европейской подсистеме путем непрямого вмешательства в форме поддержки малых держав. Кроме того, важно было не допускать появления или сдерживать имперские амбиции европейских гегемонов, особенно Франции, которые должны были быть заняты военными делами на континенте, не имея возможности нарастить морское могущество. Это была политика принципа «разделяй и властвуй». Иными словами, Британия занималась поддержанием баланса, основанного на производительной капиталистической экономике, которая финансировала военно-морское превосходство. Британия была не случайным островным исключением из династического соперничества, а сознательным регулятором системы европейской полити-

ки, от которой она была отделена социально-экономически, но не географически. Это также объясняет, почему баланс сил не был обратной стороной капитализма, а создавался и поддерживался в международной системе с множеством различных участников вполне видимой рукой: рукой Британии, державшей счета.

*Балансирование, пассивные революции
и трансформация Европы «старого порядка»*

В Европе разрыв со старой логикой международных отношений, определявшейся территориальным накоплением, произошел вследствие возникновения капитализма в Англии. Рождение аграрного капитализма в Англии XVI века, переход от династического суверенитета к парламентскому в конце XVII века и принятие новой внешней политики привели к постепенной детерриториализации британских интересов на континенте. В то же время Британия начала манипулировать старым междинастическим соперничеством при помощи новой концепции активного балансирования.

Тем не менее, с точки зрения развития, мир XVIII века еще не был капиталистической системой. И пока большинство доминирующих европейских держав составляли некапиталистические династические государства, Британия оставалась окруженной враждебным миром государств, занятых политическим накоплением. Это объясняет, почему заморская борьба Британии с Испанией и Францией сохраняла военно-меркантилистский характер. Это также объясняет, почему Британия, волей-неволей, была вовлечена во все крупные конфликты XVIII столетия от Войны за испанское наследство (1702-1713) до американской Войны за независимость (1775-1783). Геополитическое давление также вызывало ответную реакцию и оказывало большое влияние на формирование британского государства, исключая возможность гладкого перехода к минималистическому либеральному государству (Brewer, 1989). Никакой изначальной культуры капитализма не существовало. Но ключевое отличие от современных континентальных европейских государств заключалось в том, что строительство британского «военно-фискального» государства могло осуществляться на основе производительной капиталистической экономики и ее все более рационализированного государственного аппарата, который опирался на лучшую и относительно свободную от конфликтов систему налогообложения и государственных финансов. Напротив, финансирование перманентного состояния войны на континенте вело к повторяющимся и глубоким фискальным, социальным и политическим кризисам (и в конечном итоге к краху) — это было наиболее заметно в случае с Францией (цифры по налогообложению и военным расходам см.: Vonpney, 1995, 1999).

С точки зрения действия абсолютистской междинастической системы, Британия была силой, которая сознательно балансировала на соответствующих имперских притязаниях преимущественно докапиталистических государств. Опираясь на свою растущую капиталистическую экономику,

которая приносила большие доходы государству, и на свою двойную внешнюю политику (заморские торговые интересы и интересы безопасности в Европе), в XVIII веке Британия закрепила в качестве крупной мировой державы. Но хотя активное балансирование было изначально оборонительной мерой, призванной защищать власть парламента, новое конституционное согласие и протестантское престолонаследие (в противопоставление абсолютистским католическим державам), политика государств, участвовавших в игре друг против друга, оказывала все более сильное подрывное воздействие на военную и финансовую жизнеспособность «старых порядков». Британское превосходство позволяло увидеть несоответствие между растущими военными издержками и налоговым бременем в контексте относительно застойных докапиталистических экономик. В этом смысле «баланс сил был непреднамеренным следствием принуждения континентальных государств к ответу на (и к итоговому приспособлению) к превосходящей британской социально-политической модели, особенно под действием “промышленной революции”». В этом процессе балансирование стало основным средством оказания давления на континентальные государства, которое в долгосрочной перспективе способствовало трансформации политической и экономической организации «отсталых» комплексов государства/общества. Исходом в конфликте между Францией и Британией в результате оказалось военное поражение и банкротство государства, которое столкнулось с серьезными классовыми конфликтами внутри страны, в конечном итоге вызвав трансформацию отношений собственности. Стремясь к расширению своей капиталистической экономики, Британия продолжала сталкивать друг с другом докапиталистических участников, пока они финансово и экономически не исчерпали себя. Наиболее драматическими следствиями этого были Великая французская революция, наполеоновские завоевания и потребность в модернизации, которую они создали во многих частях Европы, особенно в Пруссии. По всей Европе последующие войны и революции шли рука об руку с аграрной реформой, отменой крепостного права и трансформациями основного характера государства, превращения династического суверенитета в современный. Капитализм возник под действием внешних сил. Этот процесс принято называть «революцией сверху». Антонио Грамши предложил теорию «пассивной революции», согласно которой государственные классы трансформируют свои политические и экономические структуры либо для того, чтобы избежать возникновения внутреннего социального недовольства, либо для того, чтобы сохранить международную конкурентоспособность — военную и экономическую (Gramsci, 1971: 114–116; van der Pijl, 1998: 82, 105). Только после ряда европейских революций конца XVIII–XIX веков и «освобождения» рынков в пользу мирового рынка новая логика свободной торговли между капиталистическими государствами при поддержке Британии навязала нетерриториальную логику международного присвоения излишков, основанного на экономических договорах между частными гражданами.

Распространение капитализма и ограничение территориальности

Как уже было показано выше, политическая организация современного мира в форме территориально разделенной системы государств не является функцией капитализма. Скорее, капитализм возник в системе династических политических объединений, которые консолидировали свои территории и преодолели феодальную раздробленность в эпоху абсолютизма. Но как только в британском государстве к концу XVII века произошла консолидация аграрно-капиталистических отношений собственности, возникла новая форма экономического политического порядка, которая начала менять старый междинастический порядок, основанный на логике политического и геополитического накопления. Создание капиталистического (современного) суверенитета первоначально в одной стране, изменило Европу, а затем и мир. Но вместо забвения территориальности, распространение капитализма из Британии на небританский мир «вызвало реакцию государственных классов, которые ограничили государственную территориальность в своих попытках совладать с британским давлением». Как это произошло?

Всякая реконструкция распространения капитализма должна не только отмечать его хронологическую неравномерность, но и начинать с посылки, что это движение было геополитически опосредовано, то есть преломлялось через существование обществ, территориально организованных в государства. Капитализм не вызвал появления системы государств, но сам работал через множество заранее данных суверенитетов. Рост капитализма был не «экономическим процессом», в котором транснационализирующие силы рынка или гражданского общества постепенно завладевали докапиталистическими государствами, движимыми логикой дешевых товаров, которой, в конечном итоге, идеально отвечал единый мировой рынок. Он был политическим и *a fortiori* геополитическим процессом, в котором докапиталистические государственные классы вынуждены были разрабатывать контрстратегии воспроизводства для сохранения своего положения в международной среде, которая ставила их в «сравнительно невыгодное принудительное и экономическое положение». Эти стратегии не были одинаковыми; они простирались от усиления внутренних отношений эксплуатации и создания все более репрессивного государственного аппарата для военной и фискальной мобилизации при помощи «просвещенного» абсолютизма, политики неомеркантилизма и империализма до принятия либеральной экономической политики. Но, так или иначе сталкиваясь с угрозой исчезновения, докапиталистические государства вынуждены были приспосабливаться, ассими-

СОЗДАНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО (СОВРЕМЕННОГО) СУВЕРЕНИТЕТА ПЕРВОНАЧАЛЬНО В ОДНОЙ СТРАНЕ, ИЗМЕНИЛО ЕВРОПУ, А ЗАТЕМ И МИР

лироваться или изобретать радикальные контрстратегии, наиболее заметной среди которых был социализм. Но чаще эти государственные стратегии приспособления ограничивали территориальность территорий «своего» государства в попытке мобилизовать «его» экономику и общество.

Кис ван дер Пийль рассматривает этот процесс в качестве трехвекового цикла, в котором англо-американскому «локковскому оплоту» постоянно бросали вызов «гоббсовские государства-претенденты» (van der Pijl, 1998: 64–97). Государства-претенденты отличались активной ведущей ролью государственных классов, которые брали на себя многие функции, выполнявшиеся в локковском оплоте гражданским обществом. Здесь предлагаемые государством проекты централизованного и рационализированного публичного планирования мобилизовали общество «сверху», чтобы приблизиться к — и бросить вызов — гегемонии локковского оплота. В общих чертах речь идет о противостоянии абсолютистской Франции в XVIII веке и наполеоновской Франции и Германской империи в XIX веке Британии; Германии и Японии в начале XX века Британии, Соединенным Штатам и Франции; Советского Союза и Китая во второй половине XX века локковскому Западу во главе с Соединенными Штатами. Эти различия в ответах государств обусловлены различным временем, в которое претенденты бросали вызов Британии и другим развитым капиталистическим странам, и ранее существовавшими внутренними классовыми конstellляциями, которые исключали одни государственные стратегии и подталкивали к другим. Хотя первоначальный стимул к государственной модернизации и капиталистической трансформации был геополитическим, государственный ответ на такое давление преломлялся сквозь соответствующие классовые отношения в национальных контекстах, включая классовое сопротивление. В этом смысле мировое «выравнивание провинций» не порождало ничего, кроме национальных *Sonderwege* (особых путей). Если Британия давала своим соседям образ их будущего, то этот образ был очень искаженным. В Британии никогда не было чистой культуры капитализма, так как она с самого начала была включена в международную среду, которая влияла на ее внутреннюю политику и долгосрочное развитие. Такие искажения были взаимными.

Перенос капитализма на континент и остальной мир сопровождался социальными конфликтами, гражданскими и международными войнами, социальными революциями и контрреволюциями. Но он определялся «геополитически комбинированным и социально неравномерным развитием». Это понятие позволяет нам избежать распространенной в неовеберовской литературе ошибки выделения военного соперничества в отдельный и овеществленный уровень детерминации, избежав в то же время экономического редукционизма. Международные отношения после Славной революции не были картиной взлетов и падений великих держав, а отражали развертывание этой гигантской человеческой драмы. Это была длительная и кровавая трансформация — переходный период, — в ходе которой развертывались общие процессы распространения капитализма, трансформации режимов и интеграции в «Запад» — с 1688 года до Первой мировой

войны в Европе, с Первой мировой войны через Вторую мировую и эпоху деколонизации для остального несоциалистического мира и с 1917/1945 до 1989 года для социалистического мира. И только после этого стало можно говорить о полностью интегрированной мировой экономике.

Функционирование капиталистического мирового рынка основывается, по крайней мере, на существовании государств, которые поддерживали господство права, то есть гарантировали контракты и права, особенно поддерживающие собственность, между «частными» предприятиями, а также правовую безопасность международных транзакций, обеспечивая открытость национальных экономик. Основным принципом современных международных отношений является теперь не накопление территорий при помощи войн, а политическое управление все более распространенной капиталистической экономикой и регулирование открытой международной экономики ведущими капиталистическими государствами. «Частная» универсализация мирового рынка и транснационального гражданского общества может сосуществовать с «государственной» территориальной системой государств. Межкапиталистические отношения могут принимать мирную форму — зона мира. Логика политического и геополитического накопления — в том виде, который она систематически принимала в докапиталистических династических государствах, — сменилась миром, в котором «частные» экономические участники заключали контракты, несмотря на границы, не нарушая напрямую политического суверенитета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КАПИТАЛИЗМОМ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬЮ

В этой статье было показано, что нам необходима намного более широкая историческая перспектива для теоретического осмысления метаморфоз европейской территориальности. Это позволяет нам проблематизировать общую посылку дискурса глобализации / европейской интеграции относительно простого концептуального разделения, соответствующего хронологической периодизации, между современной территориальной системой государств и постсовременным детерриториальным порядком. Начав с критики ошибки фиксированной геополитики, связанной с предполагаемой неизменностью территориальности как основы вневременных отношений между государствами, мы показали изменчивую природу политической территориальности. История европейской территориальности может рассматриваться как последовательный переход от феодальной персонализированной и децентрализованной через абсолютистскую персонализированную и централизованную к современной деперсонализированной и централизованной политико-пространственной организации. Эти формы политической территориальности укоренены в различных социальных отношениях собственности, и их изменения лучше всего могут быть поняты на основе классовых конфликтов. Мы также показали, что вестфальское государство, рассматриваемое с исторической точки зре-

ния, а не стилизованного языка теории международных отношений, соответствует не веберовскому государству, а периоду абсолютизма, в котором территориальность менялась в результате династических стратегий геополитического накопления. Но современное суверенное государство, впервые возникшее в Британии, всегда поддерживало намного более гибкие отношения с транснациональными потоками капитализма, чем склонны считать сторонники веберовской модели. Своеобразие капитализма на самом деле состоит в его способности извлекать излишки за рубежом, не прибегая к прямому нарушению политического суверенитета, поскольку права собственности составляют частную и транснациональную сферу, формально отделенную от политической власти.

Еще раз повторив, что капиталистический мировой рынок и система государств — это две стороны одной монеты, в заключение я хочу сказать, что в отношениях между капитализмом и территориальностью сохраняется теоретическая неопределенность. Капитализм возникает в системе государств, которая в территориальном отношении уже представляет собой плюриверсум — наследие европейской истории. Но если множественные территории существовали до капитализма, нет никаких оснований полагать, что последний неизбежно будет воспроизводить первые. И хотя капитализм и территориально фрагментированная система государств действительно могут быть совместимыми, поскольку транснациональные потоки поддерживаются государствами и не обязательно подрывают государственный суверенитет, вовсе не очевидно, что государства не попытаются преодолеть множественную территориальность, если они будут *в состоянии* это сделать (хотя в этом может и не быть *нужды*). Даже при беглом взгляде на историю капиталистических международных отношений виден широкий спектр различных констелляций между территориальностью и капиталистическими государствами — от введения либеральной торговой системы *Pax Britannica* и «нового империализма» с его колебаниями между «формальной» и «неформальной» империей, предшествующими Первой мировой войне, через последующие территориально экспансивные и экономически автаркические концепции *Lebensraum* германской *Geopolitik* до поддерживаемого Соединенными Штатами (но многостороннего) послевоенного либерального мирового порядка, проекта ЕС и, возможно, даже зачатков новой американской империи. В истории существует множество вариаций связи между капиталистическими государствами и их формами территориальности. Объявлять такие исторические флуктуации отклонениями от «нормальной» корреляции между капитализмом и классической системой государств — значит необоснованно отстаивать структуралистское представление о неизменной по своей сути капиталистической системе государств. Этот спектр вариаций свидетельствует о том, что капиталистические государства имеют в своем распоряжении различные «стратегии территориализации», простирающиеся от полноценной территориальной независимости, предоставляемой подчиненным государствам, через полугегемонистские проекты, вроде ЕС, до полного территориального контроля, как в «формаль-

ной империи» и *Lebensraum*. Понимание этих стратегий территориализации невозможно без рассмотрения специфических форм государства (и действующих в специфических обстоятельствах капитализма классов), его периодов роста, кризиса и упадка. И при объяснении природы процесса европейской интеграции обязательно нужно учитывать структурную неопределенность в отношениях между капитализмом и территориальностью.

Перевод с английского Артема Смирнова

Литература

- Блок, Марк (2003), *Феодалное общество*. М.: Издательство им. Сабашниковых.
- Маркс, Карл (1955), 'К критике гегелевской философии права', в Карл Маркс и Фридрих Энгельс, *Сочинения*, т. 1. М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.
- Маркс, Карл (1963), 'Капитал. Т. III', в Карл Маркс и Фридрих Энгельс, *Сочинения*, т. 25, ч. II. М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.
- Agnew, John and Stuart Corbridge (1995), *Mastering Space: Hegemony, Territory and International Political Economy*. London: Routledge.
- Anderson, Matthew S. (1993), *The Rise of Modern Diplomacy, 1450–1919*. London: Longman.
- Anderson, Perry (1974), *Lineages of the Absolutist State*. London: Verso.
- (1997), 'Under the Sign of the Interim', in Perry Anderson and Peter Gowan (eds), *The Question of Europe*. London: Verso, pp. 51–71.
- Asch, Ronal G. and Duchhardt Heinz (eds) (1996), *Der Absolutismus — ein Mythos? Strukturwandel Monarchischer Herrschaft in West- und Mitteleuropa (ca. 1550–1700)*. Cologne: Bohlau.
- Bartlett, Robert (1993), *The Making of Europe: Conquest, Colonization and Cultural Change. 950–1350*. London: Penguin.
- Baugh, Daniel A. (1988), 'Great Britain's Blue-Water Policy, 1689–1815', *International History Review*, 10 (1): 33–58.
- Beckett, John Vincent (1990), *The Agricultural Revolution*. Oxford: Blackwell.
- Beik, William (1985), *Absolutism and Society in Seventeenth-Century France*. Cambridge: CUP.
- Bisson, Thomas N. (1994) 'The «Feudal Revolution»', *Past and Present* 142: 6–42.
- Bonnassie, Pierre (1991) [1985], 'The Survival and Extinction of the Slave System in the Early Medieval West (Fourth to Eleventh Centuries)', in Bonnassie, *From Slavery to Feudalism in South-Western Europe*. Cambridge and Paris: CUP and Maison des Sciences de l'Homme, pp. 1–59.
- Bonney, Richard (ed.) (1995), *Economic Systems and State Finance*. Oxford: Clarendon Press.
- (ed.) (1999), *The Rise of the Fiscal State in Europe, c. 1200–1815*. Oxford: OUP.
- Brenner, Robert (1977), 'The Origins of Capitalist Development: A Critique of Neo-Smithian Marxism', *New Left Review*, 104: 25–92.
- (1985a), 'Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe', in T.H. Aston and C.H.E. Philpin (eds), *The Brenner Debate: Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe*. Cambridge: CUP, pp. 213–327.
- (1986), 'The Social Basis of Economic Development', in John Roemer (ed.), *Analytical Marxism*. Cambridge: CUP, 23–53.
- (1987), 'Feudalism', in J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman (eds), *The New Palgrave: A Dictionary of Economics: Marxian Economics*. London: Macmillan, pp. 170–185.
- (1989), 'Bourgeois Revolution and Transition to Capitalism', in A.L. Beier, David Cannadine and James M. Rosenheim (eds), *The First Modern Society: Essays in England History in Honour of Lawrence Stone*. Cambridge: CUP, pp. 271–304.
- (1993), *Merchants and Revolution: Commercial Change, Political Conflict, and London's Overseas Traders, 1550–1653*. Cambridge: CUP.

- Brewer, John (1989), *The Sinews of Power: War, Money and the English State, 1688–1783*. New York: Knopf.
- Bromley, Simon (1999), 'Marxism and Globalisation', in Andrew Gamble, David Marsh and Tony Tant (eds), *Marxism and Social Science*. London: Macmillan, pp. 280–301.
- Brunner, Otto (1992) [1939], *Land and Lordship: Structures of Governance in Medieval Austria*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.
- Bull, Hedley (1977), *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. London: Macmillan.
- Caporaso, James (1996), 'The European Union and Forms of State: Westphalian, Regulatory or Post-Modern?', *Journal of Common Market Studies* 34 (1): 29–52.
- Comninel, George (1987), *Rethinking the French Revolution: Marxism and the Revisionist Challenge*. London: Verso.
- Davies, Rees (2003), 'Medieval State: The Tyranny of a Concept?', *Journal of Historical Sociology* 16 (2): 280–300.
- Dickson, Peter (1967), *The Financial Revolution in England: A Study in the Development of Public Credit, 1688–1756*. London: Macmillan.
- Doyle, William (1999), *Origins of French Revolution*. Oxford: OUP.
- Duby, Georges (1974) [1973], *The Early Growth of the European Economy: Warriors and Peasants from the Seventh to the Twelfth Century*. London: Weidenfeld and Nicholson.
- Duchhardt, Heinz (1976), *Gleichgewicht der Kräfte, Convenance, Europäisches Konzert: Friedenskongresse und Friedenblusse von Zeitalter Ludwigs XIV. bis zum Wiener Kongreß*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- (1989), 'Die Glorious Revolution und das Internationale System', *Francia* 16 (2): 29–37.
- (1997), *Balance of Power and Pentarchie: Internationale Beziehungen 1700–1785*, vol. 4 of H. Duchhardt and Franz Knipping (eds), *Handbuch der Geschichte der Internationalen Beziehungen*. Paderborn: Schöningh.
- Eliot, J. H. (1992), 'A Europe of Composite Monarchies', *Past and Present* 137 (1): 25–47.
- Fischer, Markus (1992), 'Feudal Europe, 800–1300: Communal Discourse and Conflictual Practices', *International Organization* 46 (2): 427–466.
- Friedrichs, Jorg (2001), 'The Meaning of New Medievalism', *European Journal of International Relations* 7 (4): 475–502.
- Gerstenberger, Heide (1990), *Die Subjektlose Gewalt: Theorie der Entstehung Bürgerlicher Staatsgewalt*. Münster: Westfälisches Dampfboot.
- Gramsci, Antonio (1971), *Selections from the Prison Notebooks*. New York: International Publishers.
- Gulick, Edward Vose (1967) [1955], *Europe's Classical Balance of Power*. New York: Norton.
- Hall, Rodney Bruce and Kratochwil Friedrich (1993), 'Medieval Tales: Neorealist «Science» and the Abuse of History', *International Organization* 47 (3): 479–491.
- Hilton, Rodney (1988) [1973], *Bond Men Made Free: Medieval Peasant Movements and the English Rising of 1381*. London: Routledge.
- Hintze, Otto (1968) [1929], 'The Nature of Feudalism', in Frederic L. Cheyette (ed.), *Lordship and Community in Medieval Europe: Selected Readings*. New York: Holt, Rinehard, and Winston, pp. 22–31.
- Hoffman, Philip T. (1994), 'Early Modern France, 1450–1700', in Ph. T. Hoffman and Kathryn Norberg (eds), *Fiscal Crisis, Liberty, and Representative Government, 1450–1789*. Stanford, CA: Stanford University Press, pp. 226–252.
- Holsti, Kalevi J. (1991), *Peace and War: Armed Conflicts and International Order, 1648–1989*. Cambridge: CUP.
- Kaeuper, Richard W. (1988), *War, Justice and Public Order: England and France in the Later Middle Ages*. Oxford: Clarendon Press.
- Kaiser, David (1990), *Politics and War: European Conflict from Phillip II to Hitler*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Kerridge, Eric (1967), *The Agricultural Revolution*. London: Allen and Unwin.
- Krasner, Stephen D. (1993), 'Westphalia and All That', in Judith Goldstein and Robert O. Keohane (eds), *Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions, and Political Change*. Ithaca, NY/London: Cornell University Press, pp. 235–264.

- (1995), 'Compromising Westphalia', *International Security* 20: 115–151.
- (1999), *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kunisch, Johannes (1979), *Staatsverfassung und Machtepolitik: Zur Genese von Staatenkonflikten in Zeitalter des Absolutismus*. Berlin: Duncker und Humblot.
- Luard, Evan (1993), *The Balance of Power: The System of International Relations, 1648–1815*. London: Macmillan.
- Mann, Michael (1986), *The Sources of Social Power*, vol. 1: *A History of Power from the Beginning to A.D. 1760*. Cambridge: CUP.
- (1988), *States, War and Capitalism: Studies in Political Sociology*. Oxford: Blackwell.
- Mayer, Theodor (1963) [1939], 'Die Ausbildung des Modernen Deutschen Staates im Hohen Mittelalter', in Hellmut Kampf (ed.), *Herrschaft und Staat im Mittelalter*. Bad Homburg: Gentner Verlag, pp. 284–331.
- McKay, Derek and Scott H.M. (1983), *The Rise of the Great Powers, 1648–1815*. London: Longman.
- Mettam, Roger (1988), *Power and Faction in Louis XIV's France*. Oxford: Blackwell.
- Mitteis, Heinrich (1975) [1940], *The State in the Middle Ages: A Comparative Constitutional History of Feudal Europe*. Amsterdam: North-Holland Publishing Company.
- Parker, David (1996), *Class and State in Ancient Regime France: The Road to Modernity?* London: Routledge.
- Philpot, Daniel (2001), *Revolutions in Sovereignty: How Ideas Shaped Modern International Relations*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Poly, Jean-Pierre and Bournazel, Eric (1991) [1980], *The Feudal Transformation, 900–1200*. New York: Holmes and Meier.
- Reinhard, Wolfgang (ed.), (1996), *Power Elites and State Building*. Oxford: OUP.
- Reuter, Timothy (1985), 'Plunder and Tribute in the Carolingian Empire', *Transactions of the Royal Historical Society*, Fifth series, 35: 76–94.
- (1995), 'The End of Carolingian Military Expansion', in Peter Godman and Roger Collins (eds), *Charlemagne's Heir: New Perspectives on the Reign of Louis the Pious (814–840)*. Oxford: Clarendon Press, pp. 391–405.
- Rosenberg, Justin (1994), *The Empire of Civil Society: A Critique of the Realist Theory of International Relations*. London: Verso.
- Ruggie, John Gerard (1986), 'Continuity and Transformation in the World Polity: Toward a Neorealist Synthesis', in Robert O. Keohane (ed.), *Neorealism and its Critics*. New York: Columbia University Press, pp. 131–157.
- (1993), 'Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations', *International Organization* 47: 139–174.
- Schmitter, Philippe C. (1996), 'Imagining the Future of the Euro-Polity with the Help of New Concepts', in G. Marks, F.W. Scharpf, P.C. Schmitter and W. Streeck (eds), *Governance in the European Union*. London: Sage, pp. 121–150.
- Schroeder, Paul (1994), 'Historical Reality vs. Neo-realist Theory', *International Security* 19 (1): 108–148.
- Skocpol, Theda (1979), *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Cambridge: CUP.
- Spruyt, Hendrik (1994), *The Sovereign State and its Competitors: An Analysis of Systems Change*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Symcos, Geoffrey (ed.) (1974), *War, Diplomacy, and Imperialism, 1618–1763*. London: Macmillan.
- Teschke, Benno (1998), 'Geopolitical Relations in the European Middle Ages: History and Theory', *International Organization* 52 (2): 325–358.
- (2001), 'Geopolitik', in Wolfgang-Fritz Haug (ed.), *Historisch-Kritisches Wörterbuch des Marxismus*, vol. 5. Hamburg: Argument-Verlag, pp. 322–334.
- (2002), 'Theorising the Westphalian System of States: International Relations from Absolutism to Capitalism', *European Journal of International Relations* 8 (1): 5–48.
- (2003), *The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations*. London: Verso.
- (2005), 'Bourgeois Revolution, State Formation and the Absence of the International', *Historical Materialism: Research in Critical Marxist Theory* 13 (2): 3–26.

Tilly, Charles (1985), 'War Making and State Making as Organized Crime', in Peter B. Evans, Dietrich Rueschmeyer and Theda Skocpol (eds), *Bringing the State Back In*. Cambridge: CUP, pp. 169–191.

----- (1992), *Coercion, Capital, and European States, A. D. 990–1990*. Oxford: Blackwell.

Van der Pijl, Kees (1996), *Vordenker der Weltpolitik: Einfubrung in die internationale Politik aus ideengeschichtlicher Perspektive*. Opladen: Leske + Budrich.

----- (1998), *Transnational Classes and International Relations*. London: Routledge.

Waltz, Kenneth N. (1979), *Theory of International Politics*. Reading, MA: Addison-Wesley.

Weber, Max (1968) [1922]. Guenther Roth and Claus Wittich (eds), *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. New York: Bedminster Press.

Wright, Martin (1966), 'The Balance of Power', in H. Butterfield and M. Wright (eds), *Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politics*. London: Allen and Unwin, pp. 149–175.

Wood, Ellen (1991), *The Pristine Culture of Capitalism: A Historical Essay on Old Regimes and Modern States*. London: Verso.

----- (1995) [1981], 'The Separation of the «Economic» and the «Political» in Capitalism', in E. Wood, *Democracy against Capitalism: Renewing Historical Materialism*. Cambridge: CUP, pp. 19–48.

----- (2002), *The Origins of Capitalism: A Longer View*. London: Verso.

Wrigley, Anthony (1985), 'Urban Growth and Agricultural Change: England and the Continent in the Early Modern Period', *Journal of Interdisciplinary History* 15: 683–728.